

Евгения Корсаева

Осенний туман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

E14   **Евгения Корсаева**
Осенний туман / Евгения Корсаева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2013. – 280 с.

ISBN 978-5-458-22924-1

Он понимал, что не может оставить её в живых, и знал, что времени осталось мало. Самое неприятное заключалось в том, что она ему нравилась, он даже по-своему был привязан к ней, и сейчас остро жалел, что на её месте не оказалась другая, незнакомая ему женщина...

ISBN 978-5-458-22924-1

© Lennex Corp, 2013
© Евгения Корсаева, 2013

Евгения Корсаева

Оснний туман

Москва
2011

Корсаева, Евгения

Осенний туман / Е. Корсаева — М. : Книга по Требованию, 2011. — 280 с.

ISBN 978-5-458-22924-1

Он понимал, что не может оставить её в живых, и знал, что времени осталось мало. Самое неприятное заключалось в том, что она ему нравилась, он даже по-своему был привязан к ней, и сейчас остро жалел, что на её месте не оказалась другая, незнакомая ему женщина...

ISBN 978-5-458-22924-1

© Книга по Требованию
© Евгения Корсаева

Понедельник, 9 ноября

Он понимал, что не может оставить её в живых, и знал, что времени осталось мало.

Самое неприятное заключалось в том, что она ему нравилась, он даже по-своему был привязан к ней, и сейчас остро жалел, что на её месте не оказалась другая, незнакомая ему женщина, или, по крайней мере, менее симпатичная.

Времени оставалось мало, и ему необходимо было продумать все до мелочей. Он ещё полежал, глядя в потолок, и осторожно вылез из-под одеяла.

Умерла Зинаида.

Бред какой-то, подумала Наташа. Придёт же в голову... Наташа постаралась рассмотреть сквозь плотные занавески, горит ли хоть одно окно в доме напротив. Ни одно окно не горело, значит, ещё глубокая ночь. Наташа повертелась немного, поняла, что не заснёт, и тихонько, стараясь не разбудить Виктора, встала.

Аккуратно закрыла дверь в маленькую комнату, которая служила им спальней, и зажгла свет. Половина шестого, по московским меркам самое время спать.

Единственной Зинаидой, которую Наташа знала, вернее, не то чтобы знала, а о которой, скорее, была наслышана, была их дальняя родственница. Эта Зинаида приходилась отцу то ли троюродной сестрой, то ли какой-то дальней тёткой. Родственников у Наташи было мало, и родители старались со всеми поддерживать отношения, но Зинаида знать не хотела Наташиных родителей, что всегда

вызывало у мамы недоумение и слезы, а у отца злость. Жила тётка Зинаида где-то в среднерусской глухомани, где пенсии были совсем крохотными, а цены почти московскими, но никакой помощи от родственников не принимала.

Наташа прошла на кухню, зажгла газ, поставила на плиту чайник и стала смотреть на огонь.

Тихо скрипнула дверь – она всё-таки разбудила Витю.

– Не спится? – Муж налил себе воды из хрустального кувшина, выпил воду и сполоснул стакан. Кувшин подарила свекровь года три назад. Наташа кувшин терпеть не могла: его практически невозможно было вымыть, к тому же Наташа не понимала, зачем он вообще нужен, когда в доме имеются два чайника: обычный и электрический, в каждом из которых всегда имеется кипячёная вода, и которые они никогда одновременно не нагревают.

Муж наклонился, чмокнул её в шею и слегка сжал плечи, что означало – нравится тебе здесь сидеть, ну и сиди, а я спать пойду.

Когда не спалось ему, это выливалось почти в трагедию: он обязательно начинал выяснять, нет ли в данный момент магнитной бури, не наблюдается ли рост или, наоборот, падение атмосферного давления, не имеет ли место полнолуние, или новолуние, или чёрт знает что ещё. При обязательном ежевечернем звонке свекрови он обязательно рассказал бы, что очень плохо спал, что теперь весь разбитый, и что очень боится не высаться грядущей ночью. Он и от неё, от жены, в таких случаях ждал сочувствия, но Наташа сочувствия не выражала, она всегда считала, что мужчина должен уметь терпеть лишения и не обращать внимания на обыкновенную бессонницу. Она не

выражала сочувствия, и Виктор обижался на несколько дней.

Наташа привычно напомнила себе, что её муж далеко не самый плохой: не устраивает скандалов по пустякам, не требует от неё ни кулинарных изысков, ни стерильной чистоты в квартире, даже цветы дарит часто, а недостатки есть у всех. Хороший у неё муж, только напоминать себе об этом приходится всё чаще.

Чайник закипел. Наташа насыпала себе заварку прямо в чашку, залила кипятком и стала греть о чашку руки. Виктора такое её чаепитие всегда выводило из себя: чай необходимо было заваривать исключительно в заварочном чайнике. Заварочных чайников было два: один для черного чая, другой для зелёного. Ещё год назад Наташе не пришло бы в голову заварить чай в чашке, тогда ей казалось, что всё, что Витя считает и делает – единственно правильное, а если сама Наташа поступает не так, как ему хотелось бы, значит, она чего-то не понимает и не соответствует высокому стандарту.

Прошёл год с тех пор, как она поняла, что ей тяжело с собственным мужем.

Наташа отпила ароматной жидкости и зажмурилась от удовольствия.

Тётку Зинаиду она видела только один раз. Наташа была совсем маленькой, когда родители купили, тогда это называлось «получили», машину и поехали вместе с ней в маленький городок к тёте Зинаиде. Как ни странно, Зинаиду Наташа помнила отчётливо: высокая худая женщина с кудрявыми темными волосами и белым фартуком, повязанным на цветастом платье. Женщина одной рукой прижимала к себе маленькую Наташу, гладила её по голове, а потом повела показывать маленьких желтых цыплят на соседнем участке. Ещё Наташа помнила, что на

кухне у Зинаиды был большой стол, накрытый красивой клеёнкой с яркими оранжевыми подсолнухами.

Зинаида тогда их практически выгнала неизвестно почему, только маленькая Наташа этого ещё не знала, и удивлялась тому, что мама плачет, а отец зло молчит.

— Саша, — говорила мама, — её нужно простить, она потеряла сына.

— Мозги она потеряла, — бурчал отец.

Наташа не понимала, как можно потерять сына, а тем более, потерять мозги, и на всякий случай спросила:

— А сын у неё большой?

— Большой, — ответила мама, достала из карман платок и вытерла слезы.

Сейчас Наташа знала, что у Зинаиды погиб сын, после чего она почему-то прекратила всякое общение с родственниками.

Наташа посмотрела на часы — пора будить Витю, но муж проснулся сам, пошумел водой в ванной и прошёл на кухню.

Она поставила на огонь геркулесовую кашу и кастрюльку с водой — для яиц. Виктор завтракал исключительно кашей и двумя яйцами в мешочек. Ещё год назад Наташа, давясь, тоже ковыряла кашу, которую терпеть не могла, и чувствовала себя виноватой за то, что так не любит здоровую пищу. Впрочем, тогда она всё время чувствовала себя виноватой.

Она подумала, соорудила себе два бутерброда с сыром и сунула их в духовку.

— Это мне назло, да? — обиженно спросил Виктор, наблюдая за её манипуляциями.

— Нет, Витя, — Наташа постаралась, чтобы в голосе не пропало раздражение, — Просто я не люблю кашу. А яйца мне надоели.

– Раньше ты кашу любила.

Наташа промолчала. Трудно, почти невозможно, объяснить, почему раньше ей так хотелось ему нравиться, что она согласна была не только есть ненавистную кашу, но и вовсе обходиться без пищи.

Завтракали они в полном молчании, муж обиделся и смотрел в сторону. Год назад она немедленно начала бы лебезить, выпрашивать прощение, потом без конца звонила бы ему, пока он не сменит гнев на милость, а сейчас почти не замечала его молчания, вернувшись мыслями сначала к Зинаиде, а потом к предстоящему рабочему дню, и отчего-то испуганно вздрогнула, услышав резкий телефонный звонок.

– Наташа? – удивилась свекровь. Свекровь почему-то всегда удивлялась, услышав Наташин голос, как будто никак не ожидала обнаружить Наташу в квартире сына. Хотя на самом деле квартира была как раз Наташиной, досталась ей в наследство от бабушки.

– Здравствуйте, Вера Антоновна.

– Витя дома?

– Дома, – Наташа передала трубку мужу.

Почему-то она была уверена, что звонит мама, и сейчас скажет что-то про Зинаиду. Вообще-то, это едва ли могла быть мама: родители отдыхали в Италии, и если бы позвонили, то, скорее всего, на мобильный. Звонить было дорого, и родители предпочитали посыпать эсэмэски.

Всё-таки мысли о Зинаиде не давали покоя.

Наташа достала из сумки сотовый и, не жалея родительских денег, набрала номер.

– Мама, ты от Зинаиды давно известия получала?

– Не очень, – замялась мама. – А почему ты спрашиваешь?

После той злосчастной поездки, когда Зинаида

отказалась иметь с ними дело, мама через каких-то не то совсем дальних родственников, не то просто знакомых, вышла на Зинаидину соседку Шуру, переписывалась с Шурой, частенько посыпала деньги, чтобы Шура приглядывала за соседкой, и сведения о Зинаиде всегда имела.

— Да так, вспомнила о ней почему-то. Сама не знаю, почему.

Нужно выбросить из головы дурацкие мысли. Мало ли что может присниться... Наташа попрощалась с родителями и стала собираться на работу.

***

Ей повезло — подошедший трамвай шёл как раз до работы, не нужно было пересаживаться на другой транспорт, и в офис она пришла одной из первых. Вообще-то, в фирме строго регламентированного рабочего дня не было, все приходили и уходили, когда кому было удобно. Можно было и совсем не придти. Нельзя было только одного — не сделать свою работу. За это увольняли сразу, безо всяких выговоров и нагоняев.

Фирма уже несколько лет занимала целое крыло большого офисного здания, при входе имелась охрана и электронная система пропусков, фиксирующая приход-уход. Все сотрудники знали, что начальство периодически снимает данные с электронной системы, и старались восьмичасовой рабочий день выдерживать. И Наташа старалась.

Она отперла комнату — в отделе ещё никого не было, подошла к своему столу и замерла: что-то было не так. Большой черный кошачий глаз, подарок Виктора, лежал чуть дальше от клавиатуры, чем всегда. Стопка

маленьких квадратных листков с каракулями её заметок для памяти заметно вылезала из-под клавиатуры, а она всегда аккуратно запихивала листочки, чтобы их не было видно.

Наташа включила компьютер и отправилась поливать цветы. Цветов было много, и для неё, единственной женщины в отделе, это было почти дополнительной работой.

Она уже просмотрела электронную почту, как обычно по утрам, и приподняла клавиатуру, чтобы вспомнить последние записи на листочках, но неожиданно опустила клавиатуру, бессмысленно посмотрела в экран и защелкала мышью, просматривая кадры *своей* программы. Программу Наташа написала года полтора назад, от нечего делать, когда один проект был уже закончен, а по другому заказчики всё никак не подписывали договор. Программа автоматически запускала фотокамеру при каждом включении компьютера и также автоматически отключала её ровно через минуту. А камера фиксировала сидящего перед компьютером.

В пятницу в 22:41 её компьютер включал Стас Морошин. Стас работал в соседнем отделе, и никаких дел по работе с Наташей у него никогда не было.

Нужно было выключить компьютер и немедленно позвонить директору, но Наташа ошарашено сидела, не шевелясь. Пока не испугалась, что сейчас заплачет неизвестно отчего. Что-то в последнее время она стала слезливой, как мама. Мама любила поплакать по малейшему поводу.

Тогда она решительно направилась в соседнюю комнату, мечтая, чтобы Морошин оказался на рабочем месте, и облегченно вздохнула, увидев откинувшегося в кресле парня.

— Ты зачем в мой компьютер лез? — ласково спросила Наташа. Увидев Стаса, она сразу как-то успокоилась, ей больше не хотелось плакать, она даже почувствовала себя злой и веселой ведьмой Геллочкой, и почти пожалела незадачливого Морошина, которому сейчас придётся совсем несладко.

Он так явно испугался, что Наташа пожалела его ещё больше.

— Никуда я не лез! Ты что, спятила? — возмутился он. Возмутился тихо, чтобы никто не слышал.

— Стасик, — Наташа села на свободное кресло и слегка покачалась: вправо-влево, — говори быстро и доходчиво, иначе я сейчас Петру Михалычу позвоню. Это я ведь тебе одолжение делаю, время на тебя трачу.

Пётр Михайлович Сапрыкин являлся и директором и хозяином фирмы, и Наташа знала, что сотрудники его побаиваются, а молодежь вроде Морошина просто боится. Сама Наташа директора не боялась, он ей нравился, и она его очень уважала.

Странно, что она подумала про Морошина «молодежью», как будто себя молодой уже не считала. Стас был, конечно, моложе, но не так уж намного, года на четыре. Ну, может быть, на пять.

— Не лез я в твой комп, — продолжал шепотом возмущаться Стас.

Наташа вытянула руку и демонстративно полюбовалась кольцом с большим бриллиантом. Кольцо было от «фабрикантов», и Наташа давно и всерьез считала его своим талисманом. Фабрикой владел её прапрадед по отцовской линии, и кольцо было тем немногим, что удалось сохранить после страшных революционных и военных лет. Маме кольцо не нравилось, она постоянно носила другое, тоже с большим бриллиантом, а это